

ГЛАВА

3

ПЕРИОД РОМАНТИЗМА 1820–1860 гг.

ЭССЕИСТЫ И ПОЭТЫ

Романтизм как литературное течение возник в Германии, но быстро распространился в Англии и за ее пределами. Около 1820 г. романтизм достиг и Америки; это случилось 20 лет спустя после публикации «Лирических баллад» Уильяма Водсворта и Сэмюэля Кольриджа. Эта книга произвела переворот в английской поэзии. В Америке, так же как и в Европе, этот свежий новый взгляд на мир романтиков произвел огромное впечатление на интеллектуальную элиту США. Однако была и значительная разница: романтизм в Америке совпал с периодом экспансии, ростом национального самосознания. В литературе отчетливо зазвучали свои, национальные ноты. Формирование чувства национальной независимости, романтический пыл – все это породило шедевры «американского Ренессанса».

Романтические идеи витали в воздухе, они вдохновляли поэтов и художников. Эти идеи способствовали духовному и эстетическому познанию. Романтики утверждали, что искусство в большей степени, чем наука, способно выразить истину. Романтики подчеркивали важность искусства для человека и всего общества в целом. В своем эссе «Поэт» (1844 г.) Ральф Уолдо Эмерсон, один из самых влиятельных писателей романтизма, утверждал:

«Все люди живут по законам истины и нуждаются в способе выражения своих мыслей. В любви и в искусстве, в торговле и политике, в трудах и играх мы учимся выражать те тайные мысли, которые так мучают нас порой. Человек – это только половина самого себя; вторая его половина – это то, как он выражает свои чувства».

Развитие этого чувства стало главной темой, а постижение процесса самосознания человека – главным методом писателей-романтиков. Если, согласно теории романтизма, человеческое «я» и природа едины, то самосознание человека было не эгоистическим действием, ведущим в тупик, а способом познания, открывающим Вселенную. Если человеческое «я» составляло единое целое со всем человечеством, значит, моральный долг человека – уничтожить социальное неравенство и облегчить человеческие страдания. Идея самопознания, восприятия себя как индивидуальной, неповторимой личности для прошлых поколений звучала

эгоистично. Теперь эта мысль получила новое определение. Появились и новые слова, несущие в себе положительный смысл: «самореализация», «самовыражение», «доверие к самому себе».

Поскольку так важна стала личность человека, ее своеобразие и неповторимость, гораздо большее значение стали придавать психологии. Развивали особые методы для того, чтобы в человеке пробудить и усилить определенное психологическое состояние. Появились новые слова, например «возвышенность» – то есть эффект от созерцания величественной красоты (например, вид окрестностей с вершины горы). Это чувство вызывало благоговейное восхищение, сознание безбрежности и мощи; оно было выше человеческого разума.

Для большинства писателей романтизм был жизнеутверждающим направлением, которое могло выразить их взгляды. Огромные горы Америки, пустыни и тропики соответствовали их представлению о возвышенном. Казалось, сам дух романтизма, его идеи отвечают представлениям об американской демократии. Ведь романтизм в Америке подчеркивал индивидуализм, утверждал ценность каждого человека и вдохновенно стремился выразить эстетические и этические ценности. Безусловно, трансценденталистов Новой Англии – Ральфа Уолдо Эмерсона, Генри Дэвида Торо и их сторонников вдохновляли оптимистические и возвышенные идеи романтизма. В Новой Англии эти идеи упали на особо плодородную почву.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ

Трансцендентализм был движением, в котором сказалась реакция против рационализма XVIII века и выразилась общая гуманистическая тенденция развития мысли XIX века. Это движение имело в своей основе веру в единство мира и Бога. Душа каждого индивида считалась тождественной всему миру и представляла собой этот мир в миниатюре. Учение о «доверии к самому себе» и индивидуализм развивались путем убеждения читателя в том, что душа человека связана с Богом и отождествлялась с ним.

Трансцендентализм был территориально связан с Конкордом, маленьким городком в Новой Англии, который расположен в 32 км к западу от Бостона. Конкорд был одним из первых поселений колонистов штата Массачусетс. В те времена это был маленький тихий

городок, окруженный лесами. Он расположен неподалеку от Бостона, и туда можно было легко добраться, чтобы послушать лекцию в колледже или заглянуть в книжные лавки. Тем не менее, он находится вдали от крупных городов и сохранил тишину и спокойствие. Конкорд был местом первой битвы во время американской революции, и Ральф Уолдо Эмерсон написал в память об этом событии «Конкордский гимн»:

По дощатому мостику шли через бурный поток,
И свой флаг развернули навстречу апрельскому ветру.
Руки фермеров крепко сжимали приклады винтовок.
Эхо выстрелов долго гремело по белому свету.
(Пер. Е. Нестеровой)

Конкорд стал первой сельской колонией художников и писателей. Именно здесь возникла духовная и культурная альтернатива американскому материализму. Это было место, где люди вели возвышенные разговоры, но жили просто и скромно. (Так, Эмерсон и Торо с охотой работали на своих огородах.) С Конкордом наиболее тесно были связаны Эмерсон (он переехал сюда в 1834 г.) и Торо. Но это место привлекло и романиста Натаниэля Готорна, и писательницу-феминистку Маргарет Фуллер. Здесь же поселился Бронсон Олкотт, отец будущей писательницы Луизы Мей Олкотт, и поэт Уильям Эллери Чаннинг. Можно условно считать, что общество трансценденталистов образовалось в 1836 г. В разное время в него входили: Эмерсон, Торо, Фуллер, Чаннинг, Бронсон Олкотт, священник Орестес Браунсон, аболиционист и проповедник Теодор Паркер и многие другие.

Трансценденталисты выпускали журнал, выходящий раз в три месяца — «Дайэл». Этот журнал существовал в течение четырех лет. Вначале его редактором была Маргарет Фуллер, затем — Эмерсон. Их интересовали и вопросы литературы, и политические реформы в стране. Большое число трансценденталистов было аболиционистами. Некоторые из них приняли участие в экспериментальной коммуне «Брук Фарм», описанной Готорном в романе «Блитдейл».

В отличие от многих европейских групп, трансценденталисты никогда не выпускали никаких манифестов. Они настаивали на том, что все люди обладают своей индивидуальностью и эта индивидуальность неповторима. Американские трансценденталисты довели радикальный индивидуализм до крайности. Писатели Америки часто считали себя одинокими исследователями человеческого общества. Герои американской литературы (такие, как капитан Ахав Германа Мелвилла, или Гек Финн Марка Твена, или Артур Гордон Пим Эдгара По) порой находятся на грани между жизнью и смертью. Они поступают так потому, что стремятся раскрыть свою внутреннюю суть, свое «я». Ведь для американского писателя-романтика не было ничего устойчивого, ничего определенного. Литературные и социальные традиции отнюдь не помогали, более того — они были опасными. Писатели стремились создать новую литературную форму, наполнить ее новым содержанием и найти нужное звучание. Причем они стремились сделать все это одновременно. Да, американские писатели приняли вызов. Сейчас, когда мы обращаемся к шедеврам, созданным за три десятилетия до Граж-

данской войны (1861–1865 гг.), мы явно убеждаемся в их желании создать свою, национальную литературу.

Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882 гг.)

Ральф Уолдо Эмерсон, один из самых выдающихся людей своей эпохи, обладал сознанием своей особой, религиозной миссии. Порой его даже обвиняли в разрушении основ христианства. На это он обычно отвечал, что «дабы быть хорошим священником, необходимо покинуть церковь». В 1838 г. Эмерсон обратился с речью к студентам теологического отделения Гарварда — alma mater самого Эмерсона.

В своем эссе «О доверии к себе» Эмерсон замечает: «Глупая логичность — свойство посредственных умов». Однако сам он удивительно последователен, когда призывает к рождению американского индивидуализма. Его главные идеи следующие: необходимость нового национального видения мира, использование человеком личного опыта, понятие космической Сверхдуши и теория компенсации. Все эти идеи были изложены в его первом трактате «Природа» (1836 г.). Этот трактат начинается следующими словами:

«Наш век обращен в прошлое. Он строит склепы своим предкам. Он пишет биографии, истории, критические статьи. Прошлые поколения созерцали Бога и Природу; они смотрели в глаза друг другу. Мы же смотрим на все теперь их взглядом. Почему мы не способны наслаждаться нашей изначальной связью со Вселенной? Почему мы не можем иметь поэзию интуитивную, поэзию внутреннего видения, а довольствуемся поэзией традиционной? Где та религия, которая стала бы для нас откровением, а не только историей религий? Нас окружает могущественная природа, на смену одним временам года приходят другие. Потоки жизни бурлят и проносятся сквозь нас; своей силой они зовут нас к действию, соразмерному с силой природы. Так почему мы должны бродить на ощупь среди истлевших костей прошлого? Вот сегодня тоже ярко светит солнце, в полях все больше колосьев. Есть новые страны, новые люди, новые мысли. Так давайте займемся нашей собственной работой, нашими собственными законами, нашим собственным служением Богу».

Эмерсон любил гения парадокса и остроумия французского писателя XVI века Монтеня. Однажды он сказал Олкотту, что хотел бы, подобно Монтеню, написать книгу, «полную веселья и поэзии, дельных вещей и богословия, анекдотов и непристойностей». Эмерсон жаловался на тяжеловесный стиль Олкотта, из-за которого читатель не заметит «лучик солнца, пляшущий на шляпе прохожего, отблеск света в серебряной ложке, которую сжимает ребенок».

Высокая духовность, простая, доступная форма выражения своих мыслей, их афористичность — все это делает Эмерсона писателем веселым и радостным. Один из трансценденталистов Конкорда как-то заметил, что, слушая его, «летишь к небесам, как на качелях». Многие идеи Эмерсона берут свое начало из восточных религий — буддизма, ислама, учения Конфуция, которые писатель прилежно изучал. Например, его стихотворе-

ние «Брама» основано на индусских источниках и утверждает идею некоего космического порядка, недоступного пониманию смертных:

Убийца считает, что он убил,
А его жертва считает себя мертвой.
Они не видят тонких путей,
По которым я бреду и вновь возвращаюсь на
круги своя.

Далекое и забытое стоят рядом,
Тень и луч солнца — одно и то же;
Мне являюся исчезнувшие боги,
Позор и слава — одно и то же.

Те, кто предал меня, думают, что причинили мне зло,
Но когда они улетают, у меня появляются крылья.
Я вечно сомневаюсь, и сам я — сомнение.
Я — та молитва, которую шепчет брамин.

Многие боги тоскуют по моему жилищу
И ищут напрасно Семерых
Посвященных,
Но ты, о любимец добра!
Найди меня и повернись спиной к небесам.
(Пер. Е. Нестеровой)

Это стихотворение, опубликованное в первом номере журнала «Атлэнтик мансли» (1857 г.), смутило читателей, незнакомых с Брамой — божеством, которое считается вечной и бесконечной душой Вселенной. Эмерсон посоветовал своим читателям: «Пусть произносят «Иегова» вместо «Брама».

Английский критик Мэтью Арнольд считал, что самыми важными произведениями, написанными по-английски в XIX веке, были стихотворения Водсворта и эссе Эмерсона. Великий поэт в прозе, Эмерсон повлиял на многих американских поэтов, включая Уолта Уитмена, Эмили Дикинсон, Эдвина Арлингтона Робинсона, Уоллеса Стивенса, Харта Крейна и Роберта Фроста. Считается, что он оказал влияние на философские воззрения Джона Дьюи, Джорджа Сантаяна, Фридриха Ницше и Уильяма Джеймса.

Генри Дэвид Торо (1817–1862 гг.)

Генри Дэвид Торо, среди предков которого были французы и шотландцы, родился в Конкорде и почти всю жизнь провел в родном крае. Он был родом из небогатой семьи, как и Эмерсон, и ему удалось окончить Гарвард, благодаря упорному труду. Всю жизнь он стремился сократить до минимума свои потребности; ему удавалось тратить очень мало денег и сохранить свою независимость. В общем, он сделал жизнь своей профессией. Обладая независимым умом, он стремился прожить всю жизнь в соответствии со своими суровыми принципами. Именно это стремление стало темой его многих работ.

Главное произведение Торо — «Уолден, или жизнь в лесу» (1854 г.) — было результатом двух лет двух месяцев и двух дней (с 1845 по 1847 гг.), которые он провел в хижине на берегу Уолденского пруда. Он построил эту хижину на деньги, одолженные у Эмерсона. В своей

книге «Уолден» Торо превратил этот период в один год. Книга композиционно построена по принципу смены времен года. Она написана так, что главное место в ней занимают самые простые, земные заботы человека (так, в главе «Хозяйство» Торо подробно описывает свои расходы на постройку хижины). В заключительной части книги Торо стремится философски осмыслить свой опыт.

В «Уолдене» Торо, любитель историй о путешествиях (и автор нескольких книжек подобного рода), представляет читателю рассказ об «Антипутешествии». Именно это произведение открывает внутреннюю границу самопознания человека. И вплоть до сегодняшнего дня в американской литературе нет ничего, равного «Уолдену». Обманчиво-скромная, как и аскетическая жизнь самого Торо, книга эта — ключ к осуществлению классического идеала «правильной жизни». Сплыв поэзии и философии, она как бы бросает вызов читателю: пересмотри свою жизнь. Строительство хижины на берегу Уолдена, которое Торо описывает так подробно — это метафорическое изображение тщательного созидания человеческой души. В своей дневниковой записи от 30 января 1852 г. Торо так объясняет свое стремление жить на одном месте: «Я боюсь много путешествовать, особенно по известным местам: мне жаль растрачивать свой ум по пустыкам».

Метод Торо заключается в уединении и сосредоточенном размышлении, что весьма напоминает технику восточной медитации. Сходство здесь не случайно: на Торо (так же, как на Эмерсона и Уитмена) оказали большое влияние индуизм и буддизм. Его самым большим богатством была библиотека восточных классиков, которую он собирал вместе с Эмерсоном. Стилю Торо свойственен некий эклектизм; мы встретим в книге много высказываний латинских и греческих авторов. Речь его точна, полна игры слов, богата метафорами и напоминает произведения английских писателей-метафизиков эпохи позднего Возрождения.

В «Уолдене» Торо не только подвергает испытанию и проверке теоретические положения трансценденталистов. Он как бы вновь возрождает коллективный опыт самой Америки: жизнь американского «фронтiera». Торо чувствовал, что самая большая ценность его произведений заключается в стремлении возродить первозданную дикость в литературе. Об этом говорит его дневниковая запись 1851 г. (без даты):

«Английская литература, начиная с песен менестрелей и кончая поэтами-лейкистами, включая Чосера, Спенсера, Шекспира и Мильтона, не дышала своим воздухом, в ней не хватало дикости и напряженности. Это, в основном, цивилизованная, прирученная литература, отражающая отблеск Греции и Рима. Дикость ее — зеленая лесная лужайка, а ее дикарь — Робин Гуд. В произведениях английских поэтов много истинной любви к природе, но очень мало самой природы. Книжки по истории рассказывают, когда вымерли дикие животные, но мы не знаем, когда исчез последний дикарь Англии. Вот почему нужна была Америка».

«Уолден» стал источником вдохновения для многих стихотворений ирландского поэта-националиста

Уильяма Батлера Йейтса, в частности, «Озерный остров Иннисфри». Эссе Торо «Гражданское неповиновение» строится на теории пассивного сопротивления. Это сопротивление объясняется моральной необходимостью для честного человека не повиноваться несправедливым законам. Эссе Торо повлияло на взгляды Мохандаса Ганди – лидера движения за независимость Индии, а также на Мартина Лютера Кинга – борца за гражданские права негров в XX в.

Сегодня Торо – наиболее привлекательная фигура из всех трансценденталистов. Мы разделяем его мысли об экологии; его идею независимости, которая требует от человека самому решать свои проблемы; его этические принципы, сделавшие Торо сторонником аболиционизма; его политическую теорию гражданского неповиновения и мирного сопротивления. Идеи Торо не потеряли своей свежести и по сей день; его острый и в то же время поэтический стиль, его пристальная наблюдательность очень современны и сегодня.

Уолт Уитмен (1819–1892 гг.)

Уолт Уитмен родился в Нью-Йорке, на острове Лонг-Айленд. Он был простым человеком; одно время даже работал плотником. Но его блестящее новаторство выразило демократический дух Америки. Уитмен в основном получил образование самостоятельно; в 11 лет ему пришлось бросить школу и начать работать, поэтому у него не было традиционного образования, которое превращало большинство американских авторов в почтительных подражателей английским писателям. Сборник «Листья травы» (1855 г.), который Уитмен переписывал и переделывал всю жизнь, включал в себя «Песнь о себе». Это, пожалуй, самое удивительное и оригинальное произведение во всей американской поэзии. Эмерсон и еще несколько человек с восторгом отзывались об этой книге. Их высокая оценка убедила Уитмена в его поэтическом призвании, хотя сборник и не имел особого успеха у широкого читателя.

«Листья травы» – книга, славящая созидание, воздающая хвалу всему существу. В ней чувствуется влияние трудов Эмерсона, особенно его эссе «Поэт», где был как бы предсказан образ нового американского поэта – здорового, сильного, с сердцем, открытым людям. Это был некий универсальный тип поэта, удивительно похожий на самого Уитмена. Новаторская форма поэмы, нерифмованный белый стих, открытое прославление сексуальности, демократизм, романтическое утверждение, что сам поэт, его личность составляют нечто единое с самой поэмой и со всей Вселенной, – все это резко изменило направление американской поэзии.

«Листья травы» – книга великая, энергичная и естественная, как сам Американский континент. Это было то произведение, о котором звали, которого ждали поколения американских критиков, хотя и не сразу узнали ее. Движение и ритм, пронизывающие «Песнь о себе», подобны музыке, не знающей пауз:

Мои цепи и балласты спадают с меня,
Локтями я упираюсь в морские пучины,
Я обнимаю сьерру, я ладонями покрываю всю сушу,
Я иду, и все, что я вижу, со мною.
(Пер. К. Чуковского)

Поэма наполнена конкретными звуками и реальными, видимыми образами. Птицы Уитмена – это не искусственные «крылатые духи» поэзии. Его цапля с желтым хохолком прилетает ночью на край болота и ловит маленьких крабов. Кажется, что Уитмен сам живет во всем, что он видит или воображает. Поэт – один из людей толпы:

Отплывая в каждую гавань за
товарами и приключениями,
Торопливо шагая среди шумной толпы,
Такой же ветреный и горячий, как все...
(Пер. К. Чуковского)

Но он и страдающий человек:

...Женщина старых времен, уличенная ведьма, горит
На сухом костре, а дети ее стоят и глядят на нее...

Я – этот загнанный раб,
это я от собак отбиваюсь ногами...
У раненого я не пытаю
о ране, я сам становлюсь тогда раненым...
(Пер. Е. Нестеровой)

Именно Уитмен, гораздо в большей степени, чем другие писатели, создал миф о демократической Америке. «Возможно, американцы имеют самую поэтическую природу в мире. Соединенные Штаты – это величайшая из всех поэм». Когда Уитмен писал это, он смело отбрасывал широко распространенное мнение, что Америка – слишком новая страна и в ней мало поэтического. Он создал свою Америку – воображаемую страну, лишенную времени, населенную мятежными душами всех народов. Д.Г. Лоуренс, английский романист и поэт, метко назвал самого поэта «открытой дорогой».

Мощь Уитмена чувствуется во многих его стихотворениях, среди них – «На бруклинском перевозе», «Из колыбели, вечно баюкавшей...», «Когда во дворе перед домом цвела этой весной сирень...». Последнее стихотворение – это элегия, посвященная смерти А. Линкольна. Важную роль играет его трактат «Демократические дали» (1871 г.), написанный в самый разгар безудержного практицизма «позолоченного века». В этом трактате Уитмен справедливо критикует Америку за «мощное переплетение богатства и промышленности», которое, как маска, прикрывает «сухую, безжизненную Сахару души». Поэт призывает создать новую литературу, которая бы оживила американский народ. («Нужно, чтобы не только книга была бы законченной и совершенной, нужно, чтобы был совершенным и ее читатель») Стремление к бессмертию Уитмена сосредоточено главным образом в «Песне о себе». Здесь он помещает свое романтическое «я» в смысловой центр поэмы:

Я славлю себя и воспеваю себя,
И что я принимаю, то примете вы,
Ибо каждый атом, принадлежащий мне,
принадлежит и вам.
(Пер. К. Чуковского)

Уитмен передает свою мощь и энергию даже современным читателям, утверждая единство и жизненную силу всего сущего. Он – величайший новатор. От него берет свое начало поэма-автобиография; он создал новый образ поэта – простого американца; ему принадлежит мысль о читателе-творце и открытие экспериментальной или органической формы, звучащей современно и сегодня.

ПОЭТЫ-«БРАМИНЫ»

В свое время «бостонские брамины» (так называли поэтов-аристократов, получивших образование в Гарварде) представляли собой наиболее уважаемых и всеми любимых литературных метров США. Их образ жизни вписывался в приятное и удобное представление обывателя о богатстве и удовольствии, их творчество с уважением изучали.

В эпоху раннего пуританства «бостонские брамины», несомненно, были бы проповедниками; в XIX веке они стали профессорами, большей частью в Гарварде. В конце жизни они иногда становились послами или получали почетные степени европейских университетов. Большинство из них либо специально путешествовали по Европе, либо получили там образование. Они были знакомы с философией и литературой Англии, Германии и Франции, часто – Италии и Испании. По происхождению они принадлежали к высшему классу, но имели демократические убеждения и симпатии. Поэты-«брамины» сумели передать свои прекраснородушные взгляды, ориентированные на европейские идеалы, представителям всех слоев американского общества. Они выступали с чтением публичных лекций перед огромной по тем временам аудиторией в 3000 человек (в специальных центрах, предназначенных для публичных выступлений). Они также печатались на страницах двух влиятельных бостонских журналов – «Норт америкэн ревью» и «Атлэнтик мансли».

В произведениях поэтов-«браминов» переплетались американская и европейская традиции. Они стремились создать продолжение этого совместного опыта. Эти поэты-ученые пытались дать знания и поднять общий уровень образования простого народа, вводя в американскую литературу европейские критерии. Как ни парадоксально, но в целом эффект их деятельности был консервативно-реакционный. Настаивая на европейских образцах и формах, они замедлили рост американского самосознания. Несмотря на добрые намерения, их консервативные взгляды привели к тому, что они не заметили смелого новаторства Торо и Уитмена (с которым они демонстративно отказались встречаться) и Эдгара Аллана По (которого даже Эмерсон назвал «свистуном»). Они были столпами того, что назвали потом «традицией благопристойности в литературе». С этой традицией впоследствии боролись три поколения американских реалистов. Отчасти благодаря влиянию «браминов» прошло почти 100 лет, прежде чем такие гении американской литературы, как Уитмен, Мелвилл, Торо и По получили всеобщее признание в США.

Генри Уодсворт Лонгфелло (1807–1882 гг.)

Наиболее важной фигурой среди бостонских поэтов-«браминов» были Генри Уодсворт Лонгфелло, Оливер

Уэнделл Холмс и Джеймс Рассел Лоуэлл. Лонгфелло, профессор новых языков в Гарварде, был самым известным поэтом своего времени. Именно благодаря ему в литературе США возникло некое таинственное, легендарное чувство прошлого, которое смогло слить воедино американскую и английскую традиции. Он написал три длинные сюжетно-тематические поэмы, где пытался сделать популярными национальные американские легенды, однако подходил к ним с европейскими мерками: «Эвангелина» (1847 г.), «Песнь о Гайавате» (1855 г.) и «Сватовство Майлза Стендиша» (1858 г.).

Лонгфелло также написал учебники о современных языках и книгу о путешествиях «за морем», где пересказываются иностранные легенды (здесь он следовал традиции «Книги эскизов» Вашингтона Ирвинга). Длинные поэмы Лонгфелло отмечены некой искусственностью сюжета, сентиментальностью и легкостью повествования. Но его небольшие лирические произведения вроде «Еврейского кладбища в Ньюпорте» (1854 г.), «Утраченная юность» (1855 г.), «Прилив» (1880 г.) продолжают доставлять удовольствие читателям.

Джеймс Рассел Лоуэлл (1819–1891 гг.)

Джеймс Рассел Лоуэлл, который стал профессором современных языков в Гарварде после ухода Лонгфелло, – это Мэттью Арнольд американской литературы. Он начал свою деятельность как поэт, но постепенно утратил поэтический дар и превратился в уважаемого всеми критика и преподавателя. В качестве редактора «Атлантик» и соредатора «Норт америкэн ревью», Лоуэлл пользовался огромным влиянием. «Басня для критиков» Лоуэлла (1848 г.) – это забавная и меткая характеристика американских писателей. Ему принадлежит строка об Эдгаре По:

Вот пришел По со своим
«Вороном» –
Почти диккенсовский
«Барнеби Радж»,
На три пятых он – гений,
Остальное – лишь фарс.

(Пер. Е. Нестеровой)

Под влиянием своей жены Лоуэлл стал либеральным реформатором. Он увлекся аболиционизмом, был сторонником феминистского движения и выступал за введение закона, запрещающего использовать труд детей. В его серии сатирических стихотворений «Записки Бигло» (первая серия – 1847–1848 гг.) рисуется образ Хоси Биглоу – проницательного, но необразованного деревенского поэта, который в стихах обсуждает реформы. В свое время Бенджамин Франклин и Филип Френо использовали персонажи сообразительных крестьян в качестве выразителей социальных взглядов. Лоуэлл в своих стихотворениях также стремился рисовать «характер», но теперь эта традиция сочеталась с новым реализмом и рационализмом. Эта традиция процветала в 50-е гг. и достигла своего расцвета в творчестве Марка Твена.

Оливер Уэнделл Холмс (1809–1894 гг.)

Оливер Уэнделл Холмс, прославленный врач, профессор анатомии и физиологии в Гарварде – это самый трудный для анализа поэт из всех трех наиболее известных «браминов». Его работы отмечены большим разнообразием. Он писал сборники юмористических рассказов (например, «Самодержец утреннего застолья», 1858 г.); романы («Элси Веннер», 1861 г.); биографии («Ральф Уолдо Эмерсон», 1885 г.). Писал он и стихи – шуточные («Шедевр священника, или удивительный фаэтон»), философские («Комнатный кораблик») и пылко-патриотические («Старый фрегат»).

Он родился в пригороде Бостона Кеймбридж, штат Массачусетс. Холмс был сыном известного проповедника. Среди его предков по материнской линии – поэтесса Анна Брэдстрит. И при жизни, и еще в большей степени после смерти он слыл символом остроумия, ума, очарования. Это произошло не потому, что он открыл что-то новое в литературе или стал новатором формы, а скорее потому, что был поучительным толкователем всего на свете – начиная с общества и кончая медициной.

ДВА РЕФОРМАТОРА

В годы, предшествующие Гражданской войне, писатели Новой Англии блистали своим интеллектом. Некоторые яркие фигуры, которые сегодня гораздо заметнее на литературном небосводе, чем знаменитое «созвездие браминов», страдали в свое время от бедности, происхождения или от расовых предрассудков. Современные читатели все больше ценят работы аболициониста Джона Гринлифа Уиттьера и писательницы-феминистки, социального реформатора Маргарет Фуллер.

Джон Гринлиф Уиттьер (1807–1892 гг.)

Джон Гринлиф Уиттьер, наиболее активный поэт своего времени, по происхождению напоминал Уолта Уитмена. Он родился и вырос на маленькой ферме в Массачусетсе, в семье квакеров. Он получил весьма скромное образование и работал журналистом. В течение нескольких десятилетий, прежде чем добиться известности, он был страстным аболиционистом. Уиттьера уважают за стихотворения против рабства – такие, как «Икабод». Его поэзия иногда рассматривается как один из первых образцов религиозного реализма.

Яркие образы Уиттьера, простая форма стиха, похожая на балладу, воскрешают в памяти читателей поэзию Роберта Бернса. Лучшее из его произведений – поэма «Занесенные снегом». В ней поэт создает яркие, запоминающиеся образы членов своей семьи и друзей – таких, какими помнил их с детства, – уютно собравшихся вокруг пылающего камина во время одной из самых свирепых метелей в Новой Англии. Эта простая, религиозная, очень личная и напряженная поэма была написана после долгих страшных дней Гражданской войны. Она одновременно – и плач по умершим, и молитва об исцелении. В ней утверждается мысль о бессмертии души, о власти любви над памятью человека, любви, которая не знает преград времени. В ней воспевается красота природы, которая не увядает – вопреки яростным политическим бурям.

Маргарет Фуллер (1810–1850 гг.)

Маргарет Фуллер, выдающаяся писательница-публицист, родилась и выросла в Кэмбридже, штат Массачусетс. Она родилась в семье адвоката; предки ее были скромными финансистами. Отец сам занимался образованием дочери (женщин не принимали в Гарвард). Маргарет была на редкость одаренным ребенком; прекрасно знала классическую и современную литературу. Она увлекалась немецким романтизмом и особенно Гете, которого сама переводила.

Она стала первой крупной профессиональной журналисткой в Америке. Фуллер писала рецензии и статьи на социальные темы – например, о жестоком обращении с женщинами-заключенными и сумасшедшими. Некоторые эссе были опубликованы в ее книге «Заметки о литературе и искусстве» (1846 г.). Годом раньше вышла в свет самая значительная ее книга – «Женщина в девятнадцатом столетии». Первоначально отрывки из нее печатали в журнале трансценденталистов «Дайэл», где Фуллер была редактором с 1840 по 1842 гг.

Книга Фуллер «Женщина в девятнадцатом столетии» – это одно из самых ранних исследований роли женщины в обществе, где очень ярко выражена типично американская точка зрения. Писательница часто использует демократические принципы и тезисы трансценденталистов. Она анализирует многочисленные случаи и пагубные последствия сексуальной дискриминации и предлагает принять определенные меры против этого. Многие ее идеи звучат удивительно современно. Она подчеркивает важность «собственной независимости», самостоятельности, которой женщины лишены, потому что «их учат узнавать свои права извне, а не открывать их внутри себя».

В целом Фуллер – не столько феминистка, сколько активный деятель и реформатор, главной целью которой была творческая свобода человеческой личности и чувство собственного достоинства для всех людей:

«...Давайте будем мудрыми и не будем чинить препятствий душе... Давайте будем обладать одной созидательной энергией... Пусть она принимает любую форму, какую выберет, и не будем привязывать ее путами прошлого к мужчине или женщине, к черному или белому».

Эмили Дикинсон (1830–1886 гг.)

Поэзия Эмили Дикинсон является связующим звеном между ее временем и литературой конца XIX века. Яростная сторонница индивидуализма, она родилась и провела всю свою жизнь в маленькой деревушке Амхерст, штат Массачусетс. Всю жизнь она оставалась незамужней и вела весьма необычную жизнь. Внешне эта жизнь была небогата событиями, но полна внутреннего напряжения. Она любила природу и черпала вдохновение у природы Новой Англии – у птиц, животных, растений; искала его в смене времен года.

Дикинсон провела вторую половину жизни затворницей – отчасти в силу своей чрезмерно чувствительной натуры и, возможно, чтобы иметь время для сочинения стихов (иногда были периоды, когда она писала по стихотворению каждый день). Она также помогала своему

отцу, видному юристу, выдающемуся человеку в Амхерсте, который стал членом Конгресса.

Дикинсон не была широко начитанным человеком, но прекрасно знала Библию, произведения Шекспира и труды по классической мифологии. Это были ее учителя, ибо Дикинсон – одна из наиболее одиноких фигур своего времени. Когда в 50-е гг. вновь открыли миру ее поэзию, читатели были поражены, как могла эта застенчивая, замкнутая женщина, которая всю жизнь провела в деревне, чьи стихотворения почти не публиковались и были мало кому известны, создать подлинные шедевры XIX века.

Стиль Дикинсон, очень насыщенный, наполненный образами, сейчас кажется даже более современным и новаторским, чем манера Уитмена. Она никогда не использует двух слов, если хватает одного; сочетает конкретные вещи с абстрактными идеями. Ее строки афористичны, а стиль сжат и динамичен. В ее лучших стихотворениях нет ничего лишнего. Во многих высмеивается модная в то время сентиментальность, а некоторые стихи звучат просто еретически. Иногда она показывает такое знание реальности и природы человека, что это выглядит ошеломляющим. Подобно Эдгару По она исследует темные, потайные уголки сознания; драматизирует смерть и могилу. В то же время она прославляет простые предметы – цветок, пчелу и т.д. В ее поэзии чувствуется глубокий ум, и у читателей возникает мучительная мысль, что человеческое сознание поймано в ловушку времени. У Дикинсон замечательное чувство юмора, а диапазон ее поэзии удивительно велик и разнообразен. Оригинальна и ее трактовка многих тем. Ее стихотворения обычно известны по номерам, которыми они были обозначены в ставшем каноническим издании Томаса Х. Джонсона (1955 г.). Они изобилуют непривычным обилием заглавных букв и тире.

Как и Торо, она не соглашалась с общепринятым образом мысли: часто она использует слова и фразы в обратном смысле. С большим эффектом она применяет и парадоксы.

Безумие – божественное чувство
Для пронизательного взгляда,
А слишком много Чувства – сплошь
Безумье.

Но большинство людей
Живет в нем постоянно.
Согласен с миром – значит, ты нормален,
А если сомневаешься – опасен,
И вот уже оковы на руках...

(Пер. Е. Нестеровой)

Ум ее блистает в следующем стихотворении, где высмеивается человеческое тщеславие и так называемая «общественная жизнь»:

Я – Никто. А ты – ты кто?
Может быть – тоже – Никто?
Тогда нас двое. Молчок!
Чего доброго – выдворят нас за порог.

Как уныло – быть кем-нибудь –
И – весь июнь напролет –
Лягушкой имя свое выкликать –
К восторгу местных болот.

(Пер. В. Марковой)

Стихотворения Дикинсон (а их общее количество – 1775) продолжают привлекать внимание критиков, которые весьма неоднозначно относятся к ее творчеству. Одни подчеркивают мистическую сторону ее поэзии, другие – особенную любовь к природе. Многие отмечают ее странность, влечение к экзотике. Один из современных критиков, Блэкмур, сказал, что Дикинсон иногда «похожа на кошку, невесть откуда явившуюся к вам, которая вдруг заговорила по-английски». Чистая, ясная, чеканная поэзия Эмили Дикинсон – одна из самых пленительных и вызывающих страниц в американской литературе.